

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

New York Times
Book Review

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Сочиняйте
сами

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Сочиняйте сами

«Азбука-Аттикус»

1959

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Сочиняйте сами / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1959 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-21106-3

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Знаменитый детектив сталкивается с необычной ситуацией, когда к нему с просьбой о помощи обращаются члены комитета по борьбе с плагиатом. Проблема в том, что каждый раз после выхода нового бестселлера объявляется малоизвестный писатель, обвиняющий автора книги в краже сюжета. Вулф берется найти афериста, но очень скоро дело о плагиате превращается в дело об убийстве...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21106-3

© Стаут Р. Т., 1959
© Азбука-Аттикус, 1959

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рекс Стаут Сочиняйте сами

Rex Stout

PLOT IT YOURSELF

Copyright © 1959 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© Д. В. Попов, перевод, 2014

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Глава 1

Книги, которые читает Ниро Вулф, я делю на четыре категории: А, В, С и D. Если, спустившись в шесть часов вечера из оранжереи, Вулф открывает книгу до того, как позвонит Фрицу насчет пива, и если в качестве закладки использует тонкую золотую пластинку длиной пять дюймов и шириной дюйм, несколько лет назад подаренную ему благодарным клиентом, то эта книга категории А. Если он берется за книгу до звонка, но закладкой служит простая полоска бумаги, то книга относится к категории В. Если же он сначала звонит Фрицу и только потом открывает книгу на нужной странице с загнутым уголком, то – к категории С. А если он и вовсе ждет, когда Фриц принесет пиво, затем наполняет бокал и только потом открывает на странице с загнутым уголком, то – к категории D. Никогда не занимался подсчетами, но навскидку сказал бы, что из двухсот книг или около того, которые Вулф прочитывает за год, не более пяти-шести относятся к категории А.

В тот майский понедельник в шесть часов я сидел за своим столом и проверял ведомость расходов, которую предстояло приложить к адресованному «Спунер корпорейшн» чеку за только что законченную нами работу, когда раздался шум останавливающегося лифта, а затем шаги Вулфа в прихожей. Он переступил порог, прошел к своему крупногабаритному, сделанному на заказ креслу за столом, уселся, взял книгу «Почему боги смеются» Филипа Харви, открыл ее на золотой закладке, прочел абзац и, не отрывая глаз от страницы, потянулся к кнопке на краю стола. В этот момент и зазвонил телефон.

Я снял трубку:

– Резиденция Ниро Вулфа, Арчи Гудвин у телефона.

До шести часов я отвечаю: «Кабинет Ниро Вулфа», а после – «Резиденция».

– Я хотел бы поговорить с мистером Вулфом, – произнес усталый баритон. – Это Филип Харви.

– Он захочет узнать о чем, если вас не затруднит.

– Я расскажу ему. Я писатель. Действую от имени Национальной ассоциации писателей и драматургов.

– Это вы написали книгу под названием «Почему боги смеются»?

– Да, я.

– Не вешайте трубку. – Я зажал микрофон и повернулся. – Если в этой книге есть слабые места, то вот вам шанс. С вами хочет поговорить парень, который ее написал.

Вулф оторвался от чтения:

– Филип Харви?

– Именно.

– Чего он хочет?

– Заявляет, что скажет лично вам. Наверное, спросит, на какой вы сейчас странице.

Он закрыл книгу, заложив ее пальцем, и снял трубку с аппарата на своем столе:

– Да, мистер Харви?

– Это Ниро Вулф?

– Да.

– Возможно, вам знакомо мое имя.

– Да.

– Я хочу договориться о встрече для консультации. Я являюсь председателем Объединенного комитета по борьбе с плагиатом Национальной ассоциации писателей и драматургов и Ассоциации книгоиздателей Америки. Как насчет завтра утром?

– Я ничего не смыслю в плагиате, мистер Харви.

– Мы вам объясним. У нас проблема, и мы хотим, чтобы вы ее разрешили. Нас будет шесть или семь человек, все члены комитета. Так как насчет завтрашнего утра?

– Я не адвокат. Я детектив.

– Мне известно, кто вы. Как насчет десяти часов?

Естественно, подобное предложение не прошло, ибо понадобилось бы нечто большее, нежели писатель, пусть даже и автор книги категории А, чтобы покуситься на утреннюю встречу Вулфа с орхидеями, с девяти до одиннадцати. В итоге Харви договорился на четверть двенадцатого. По окончании разговора я поинтересовался у Вулфа, не навести ли мне справки, на что он кивнул и вернулся к своей книжке. Я созвонился с Лоном Коэном из «Газетт» и выяснил, что Национальная ассоциация писателей и драматургов – организация влиятельная. Ее членами являлись все драматурги, о которых хотя бы раз кто-нибудь слышал, равно как и все писатели, за исключением лишь нескольких разрозненных образчиков, еще не определившихся касательно своего желания ассоциироваться с человечеством – или же определившихся, что не хотят. Ассоциация книгоиздателей Америки тоже не была пустым звуком – национальная организация всех крупных фирм и множества второстепенных. Я поделился полученной информацией с Вулфом, хотя и не был уверен, что он слушает. Он, видите ли, читал.

Когда вечером, около полуночи, я вернулся домой после спектакля «Бочонок любви» Мортимера Ошина, который смотрел с подругой, Вулф как раз покончил с чтением и пристраивал книгу в шкафу за большим глобусом. Проверяя, закрыт ли сейф, я предложил:

– Почему бы не оставить ее на столе?

– Потакать самолюбию мистера Харви нет необходимости, – хмыкнул Вулф. – Не будь он столь искусным писателем, то был бы просто невыносим. Зачем умасливать его?

Прежде чем подняться в свою комнату, я сверился со словарем. «Умасливать» – не только кулинарный термин. Проверьте. Я ни за что не доживу до того дня, когда Вулф станет кого-то умасливать, включая и меня.

Глава 2

В одиннадцать двадцать следующего утра, во вторник, Вулф за своим столом обвел взглядом слева направо и обратно собравшихся, упер его в Филипа Харви и спросил:

– Мистер Харви, вы будете говорить?

Поскольку встречу назначил Харви и он же являлся председателем комитета, я усадил его в красное кожаное кресло у стола Вулфа. Это оказался коротышка средних лет с круглым лицом, скругленной, то бишь сутулой, спиной и с округлым же животом. Остальные пятеро расположились дугой в желтых креслах, которые я для них расставил. Харви представил их, и я занес имена в блокнот. Ближайшим ко мне сидел Джеральд Кнапп, крупный блондин в костюме в желто-коричневую полоску, президент «Кнапп и Боуэн». За ним расположился Рубен Имхоф, жилистый на вид легковес с большими ушами и прилизанными черными волосами, из «Виктори пресс». Женщину примерно моего возраста, на которую вполне можно было бы смотреть, перестань у нее подергиваться нос, звали Эми Уинн. Я читал пару рецензий на ее роман «Постучи в мою дверь», но на полках Вулфа он отсутствовал. Высоким седовласым дядей с вытянутым костлявым лицом был Томас Декстер из «Тайтл-Хауса». На дальнем конце дуги, положив левую лодыжку на правое колено, горбился в кресле Мортимер Ошин, с пухлыми губами и глубоко посаженными темными глазами. Это он написал пьесу «Бочонок любви», которую я смотрел вечером накануне. За восемь минут он прикурил три сигареты и при этом ухитрился промахнуться двумя спичками мимо пепельницы на столике рядом, и теперь они валялись на ковре.

– Вам понадобятся все подробности, – откашлявшись, начал Филип Харви, – но сперва я обрисую положение в целом. Вы сказали, что ничего не смыслите в плагиате, но, полагаю, вам все-таки известно, что это такое. Конечно же, обвинение в плагиате какой-либо книги или пьесы касается писателя и издателя или же драматурга и продюсера, но на данный момент ситуация достигла таких масштабов, что требуется нечто большее, чем оспаривание персональных исков. Поэтому-то НАПД и АКА и учредили этот Объединенный комитет по борьбе с плагиатом. Не могу не отметить, что мы, НАПД, крайне признательны АКА за сотрудничество. Все-таки от иска по обвинению в плагиате страдает автор, не издатель. Во всех издательских контрактах автор дает согласие на возмещение издателю любых задолженностей, потерь, убытков, расходов...

– Погодите минутку, – перебил его Рубен Имхоф. – На что соглашаются и что происходит в действительности – две разные вещи. В действительности же в большинстве случаев страдает издатель...

– Страдающий издатель! – вскричала Эми Уинн, и нос у нее опять задержался.

Мортимеру Ошину тоже нашлось что вернуть, и все четверо затеяли перепалку. Я даже не пытался вникать в нее, чтобы хоть что-нибудь занести в блокнот.

Вулфу пришлось повысить голос:

– С вашего позволения! Начали вы, мистер Харви. Если интересы автора и издателя противоречат друг другу, то почему объединенный комитет?

– О, они не всегда противоречат. – Харви улыбнулся, и отнюдь не сконфуженно. – Интересы раба и хозяина частенько совпадают, как и в данной ситуации. Я отметил лишь *en passant*¹, что страдает автор. Мы крайне признательны АКА за сотрудничество. С их стороны это чертовски великодушно.

– Вы собирались обрисовать положение.

---

¹ Мимоходом, между прочим (*фр.*).

– Да. За последние четыре года было предъявлено пять крупных обвинений в плагиате. – Харви достал из кармана несколько листов бумаги, развернул их и бросил взгляд на первый. – В феврале тысяча девятьсот пятьдесят пятого года «Макмюррей и компани» издало «Цвет страсти», роман Эллен Стердевант. К середине апреля он достиг вершины списка бестселлеров. А в июне издатели получили письмо от некоей женщины по имени Элис Портер, в котором утверждалось, будто сюжет романа, его персонажи и все важные линии развития сюжета, лишь с измененными местом действия и именами, украдены из написанного ею рассказа «Есть только любовь», ранее никогда не публиковавшегося. По ее словам, в ноябре пятьдесят второго она отправила свой рассказ – двадцать четыре машинописные страницы – Эллен Стердевант, сопроводив его просьбой указать возможные пути улучшения своего творения. Подтверждения о получении она не дождалась, но и письмо не вернулось. Сама Эллен Стердевант всячески отрицала, что когда-либо видела подобный рассказ. Однажды в августе, когда она находилась в летнем доме в Вермонте, к ней явилась местная жительница, работавшая у нее прислугой, и заявила, что нашла кое-что в ящике комода. Это оказались двадцать четыре машинописных листа, первый из которых был озаглавлен «Есть только любовь. Элис Портер». Сюжет рассказа, персонажи и многие детали были такими же, что и в романе Эллен Стердевант, хотя и в более сжатой форме. Женщина эта – ее фамилия Биллингс – призналась, что Элис Портер уговорила ее поискать в доме рукопись, пообещав заплатить сто долларов, если поиски увенчаются успехом. Однако после того, как она обнаружила рукопись, миссис Биллингс охватили угрызения совести, и она принесла находку хозяйке. Миссис Стердевант рассказывала мне, что первой ее мыслью было сжечь рукопись, но затем она поняла, что это отнюдь не самое удачное решение, поскольку от миссис Биллингс нельзя было ожидать, что она станет давать под присягой ложные показания, и тогда миссис Стердевант позвонила своему адвокату в Нью-Йорк.

Харви развернул руку ладонью вверх.

– Это самая суть. Лично я могу сказать, что убежден, как и каждый, кто знает Эллен Стердевант, что прежде она эту рукопись в глаза не видела. То была подстава. Дело до суда не дошло, они заключили мировое соглашение. Миссис Стердевант выплатила Элис Портер восемьдесят пять тысяч долларов.

– Теперь уж я ничего поделать не могу, – хмыкнул Вулф.

– Мы знаем, что не можете. И не ожидаем от вас. Но это только начало. – Харви взглянул на второй лист бумаги. – В январе тысяча девятьсот пятьдесят шестого «Тайтл-Хаус» издало «Бери все, что я даю», роман Ричарда Эххолса. Мистер Декстер, вы не расскажете об этом случае? Кратко?

Томас Декстер пригладил рукой свои седые волосы.

– Постараюсь как можно короче, – начал он, – хотя сама история довольно долгая. Роман поступил в продажу девятнадцатого января. В течение месяца мы поставляли в магазины пять тысяч экземпляров в неделю. К концу апреля – уже девять тысяч в неделю. Шестого мая мы получили письмо от человека по имени Саймон Джейкобс. Он утверждал, будто в феврале пятьдесят четвертого отправил в литературное агентство «Норрис и Баум» рукопись сочиненной им повести под названием «Все мое – твое». Это агентство уже много лет представляет интересы Эххолса. Джейкобс приложил фотокопию письма от двадцать шестого марта пятьдесят четвертого, которое он получил от «Норрис и Баум» с возвращенной рукописью и выражением сожалений, что за новых клиентов они в данный момент не берутся. В их ответе упоминалось название – «Все мое – твое». Письмо оказалось bona fide², в архиве «Норрис и Баум» хранилась его копия, хотя никто из агентства ничего о нем не помнил. Прошло уже более двух лет, а они получают на рассмотрение великое множество рукописей.

Декстер перевел дыхание.

---

² Здесь: подлинный (лат.).

– Джейкобс утверждал, будто сюжет его повести оригинальный и единственный, равно как и персонажи, а сюжет и персонажи «Бери все, что я даю», романа Эххолса, явственно украденные. Джейкобс писал, что с удовольствием позволит нам изучить свою рукопись – именно так он и выразился – и вышлет нам копию, изъяви мы на это желание. Его предположение заключалось в том, что кто-то из «Норрис и Баум» либо рассказал Эххолсу о повести, либо дал ему ее почитать. В агентстве все это отрицали, как и сам Эххолс, и мы в «Тайтл-Хаусе» им верим. Всецело. Однако процесс по обвинению в плагиате – штука коварная. В самой идее, что успешный писатель крадет материал у неудачливого, кажется, есть нечто такое, что приходится по душе обычным людям, а присяжные как раз из таких и набираются. Дело затянулось почти на год. Окончательное решение оставили за Эххолсом и его адвокатом, но мы из «Тайтл-Хауса» его одобрили. Они решили не рисковать с судебным процессом. Джейкобсу за отказ от всех притязаний выплатили девять тысяч долларов. Хотя мы не были связаны контрактом, «Тайтл-Хаус» выплатило четверть данной суммы, двадцать одну тысячу пятьсот.

– Следовало бы половину, – заметил Харви не осуждающе, а лишь констатируя факт.

– Вы получили копию рукописи Джейкобса? – поинтересовался Вулф.

– Конечно, – кивнул Декстер. – Она подтверждала его претензию. Сюжет и персонажи оказались практически идентичными.

– Вот как. И снова, мистер Харви, судя по всему, слишком поздно.

– Мы только подбираемся, – отозвался Харви. – Подождите, пока не услышите остальное.

Следующий случай: в ноябре тысяча девятьсот пятьдесят шестого года «Нам и сын» издало роман Марджори Липпин «Святой или нечестивец». Как и все ее предыдущие книги, он пользовался большим успехом. Первый тираж составил сорок тысяч экземпляров. – Харви сверился со своими бумагами. – Двадцать первого марта тысяча девятьсот пятьдесят седьмого Марджори Липпин умерла от сердечного приступа. Девятого апреля «Нам и сын» получило письмо от женщины по имени Джейн Огилви. Ее претензия оказалась практически идентичной претензии Элис Портер к «Цвету страсти»: в июне пятьдесят пятого она отослала Марджори Липпин двадцатистраничную рукопись рассказа под названием «На земле, а не на небесах» с просьбой об отзыве, но подтверждения о получении не последовало, так же как и возврата, а сюжет и персонажи «Святого или нечестивца» были позаимствованы из ее рассказа. Поскольку миссис Липпин умерла, на обвинение ответить она не могла, а четырнадцатого апреля, всего лишь через пять дней после получения издательством письма, исполнитель по недвижимости миссис Липпин, служащий банка, в чемодане на чердаке ее дома обнаружил рукопись рассказа, как ее и описывала Джейн Огилви. Он счел своим долгом предъявить находку. Из-за смерти миссис Липпин благополучный исход оспаривания данной претензии представлялся крайне маловероятным, однако ее наследники, сын и дочь, оказались слишком упрямыми, чтобы понять это, к тому же они желали восстановить репутацию матери. Они даже пошли на эксгумацию ее тела для аутопсии, однако вскрытие лишь подтвердило ее смерть от естественной причины – сердечного приступа. В прошлом октябре дело наконец-то предстало перед судом, и присяжные присудили Джейн Огилви сто тридцать пять тысяч долларов. Они были выплачены из наследства миссис Липпин. В «Нам и сын» поучаствовать в выплате уместным не сочли.

– Да с какой стати они должны были? – вмешался Джеральд Кнапп.

Харви улыбнулся ему:

– НАПД признательна вам за сотрудничество, мистер Кнапп. Я всего лишь излагаю факты.

Подключился и Декстер, сказав Кнаппу:

– Ах, да бросьте вы! Всем известно, что Фил Харви – язва. Поэтому-то боги и смеются. Харви перевел улыбку с «Кнапп и Боуэн» на «Тайтл-Хаус»:

– Премного благодарен за рекламу, мистер Декстер. Во всех книжных магазинах... Наверное. – Он вновь обратился к Вулфу: – Следующим был не роман. Пьеса Мортимера Ошина «Бочонок любви». Рассказывайте, мистер Ошин.

Драматург загасил сигарету в пепельнице – пятую или шестую, я уже сбился со счета.

– Все это весьма тягостно, – отозвался Ошин, у него оказался тенор. – И мерзко. Пьеса вышла на Бродвее двадцать пятого февраля прошлого года, и, говоря, что она пользовалась бешеным успехом, я лишь излагаю факты, как и мистер Харви. Где-то в середине мая продюсер Эл Френд получил письмо от человека по имени Кеннет Реннерт. Смесь уже упомянутых писем. В нем говорилось, будто в августе пятьдесят шестого он посылал мне набросок пьесы под названием «Бушель любви» с предложением принять участие в ее написании. Он требовал миллион долларов. Я воспринимаю это как комплимент. Френд передал письмо мне, и на него ответил мой адвокат, назвав Реннерта лжецом, о чем тому должно быть известно. Однако мой адвокат знал о тех трех случаях, о которых вы только что слышали, и заставил меня принять меры предосторожности. Вместе с ним мы тщательно обыскали мои апартаменты на Шестидесят шестой улице, буквально каждый дюйм, а также мой загородный дом в Сильвермайне, в Коннектикуте, и я также позаботился, чтобы никому не удалось что-либо подбросить в эти места.

Ошин прикурил еще одну сигарету и в очередной раз промахнулся спичкой мимо пепельницы.

– Все оказалось впустую. Как вы, возможно, знаете, у драматурга должен быть агент. У меня таковой имелся, звали его Джек Сэндлер. Я никак не мог найти с ним общий язык и через месяц после премьеры «Бочонка любви» уволил его и нанял другого. И вот как-то на выходных в июле Сэндлер позвонил мне в загородный дом и сообщил, что кое-что обнаружил у себя в кабинете и придет из Данбери показать мне. Он так и сделал. Это оказался напечатанный на шести страницах набросок пьесы в трех актах Кеннета Реннерта под заголовком «Бушель любви». По словам Сэндлера, его обнаружила секретарша, когда разбирала старую папку.

Он затушил сигарету.

– Как я сказал, это мерзко. Сэндлер обещал, что сожжет рукопись у меня на глазах, если я скажу хоть слово, но я не поверил ублюдку. Еще он обещал, что вместе с секретаршей подпишет показания под присягой, что прежде набросок они не видели и, должно быть, его кто-то подсунил в ту папку. Но, черт побери, этим кем-то я же и окажусь! Я поручил это дело адвокату, и он поговорил с Сэндлером, которого неплохо знал, и его секретаршей. В итоге он решил, что вряд ли кто-нибудь из них причастен к подставе, и я с ним согласился. И еще он решил, что нам не стоит рассчитывать на молчание Сэндлера. Наверняка он расскажет Реннерту о найденной рукописи, и с этим я тоже согласился. Именно так этот ублюдок и поступил, потому что в сентябре Реннерт возбудил иск о возмещении убытков, а он не сделал бы этого, если бы не знал, что может рассчитывать на свидетельские показания в пользу своего наброска. Миллион долларов. Мой адвокат подал встречный иск, а я выплатил детективному агентству шесть тысяч долларов за три месяца, пытаюсь раздобыть обоснование для него, но безуспешно. Мой адвокат считает, что нам придется заплатить.

– Не люблю ходить там, где уже вытоптано, – заметил Вулф. – Вы упустили одну деталь. Набросок походил на вашу пьесу?

– Он не походил, это и была моя пьеса, только без диалогов.

Вулф перевел взгляд на Харви:

– Итого четыре. Вы говорили о пяти?

Харви кивнул:

– Последний случай посвежее, но одно из действующих лиц то же, что и в первом. Элис Портер. Женщина, получившая восемьдесят пять тысяч долларов от Эллен Стердевант. Она возвращается за добавкой.

– Вот как.

– Да. Три месяца назад «Виктори пресс» издало «Постучи в мою дверь», роман Эми Уинн. Эми?

Нос у Эми Уинн задержался.

– У меня не очень получается... – Она замолчала и повернулась налево к Имхофу. – Расскажите вы, Рубен.

– У тебя очень даже получается, Эми, – уверил он ее, легонько хлопнув по плечу, и затем сосредоточился на Вулфе. – Да, случай свежий. Мы издали книгу мисс Уинн четвертого февраля и вчера заказали шестой тираж, двадцать тысяч. Общий тираж составит сто тридцать тысяч экземпляров. Десять дней назад мы получили письмо, подписанное Элис Портер и датированное седьмым мая, в котором утверждалось, будто «Постучи в мою дверь» заимствован из написанного ею три года назад неопубликованного рассказа «Шанс стучится». Что она послала этот рассказ Эми Уинн в июне пятьдесят седьмого с просьбой об отзыве и критике, что подтверждения получения не последовало и рукопись возвращена не была. Все по отработанной схеме. Конечно же, мы показали это письмо мисс Уинн. Она заверила нас, что никогда не получила ни подобного письма, ни рассказа, и мы безоговорочно приняли ее заверения. У нее нет ни адвоката, ни агента, и она спросила нас, что ей делать. Мы посоветовали ей незамедлительно убедиться, что подобной рукописи не спрятано у нее дома или в любых других местах, где она гипотетически могла бы хранить ее, например дома у близкой родственницы, и предпринять всевозможные шаги для предотвращения попытки подкинуть рукопись. Наш адвокат написал краткое письмо Элис Портер, отвергнув ее претензию, а в результате расследования выяснил, что она является той самой Элис Портер, которая выдвинула иск против Эллен Стердевант в тысяча девятьсот пятьдесят пятом. Я позвонил исполнительному секретарю Национальной ассоциации писателей и драматургов с предложением, что было бы желательно ввести мисс Уинн в состав Объединенного комитета по борьбе с плагиатом, сформированного лишь месяцем ранее, и на следующий день это было осуществлено. Сам я уже состоял в нем. Такое вот нынче положение. От Элис Портер дальнейших сообщений не поступало.

Вулф перевел взгляд:

– Вы предприняли рекомендованные меры, мисс Уинн?

– Конечно. – Все-таки она отнюдь не была дурнушкой, когда нос у нее оставался неподвижным. – Мистер Имхоф выделил мне в помощь свою секретаршу. Мы не нашли рукописи... Ничего.

– Где вы живете?

– У меня квартирка на Арбор-стрит в Гринвич-Виллидже.

– С вами кто-нибудь живет?

– Нет. – Она слегка покраснела, сразу же став едва ли не хорошенькой. – Я никогда не была замужем.

– Сколько вы там проживаете?

– Чуть больше года. Я переехала туда в марте прошлого года... Четырнадцать месяцев.

– Где вы жили до этого?

– На Перри-стрит. Я снимала квартиру с двумя другими девушками.

– Сколько вы там прожили?

– Около трех лет. – Нос у нее опять задержался. – Я не совсем понимаю, какое это имеет значение.

– Может иметь. Вы жили там в июне пятьдесят седьмого, когда, как утверждает Элис Портер, она послала вам рассказ. Весьма подходящее место, чтобы он там нашелся. Вы и секретарша мистера Имхофа обыскивали ту квартиру?

– Нет. – Глаза ее расширились. – Ну конечно! Боже мой! Конечно, я немедленно сделаю это.

– Но вы не сможете помешать, если рукопись подкинут туда в будущем. – Вулф шевельнул указательным пальцем. – У меня есть предложение. Немедленно организуйте обыск той квартиры и вашей нынешней двумя надежными людьми, желательно мужчиной и женщиной, не связанными с вами и «Виктори пресс». Сами вы присутствовать при этом не должны. Скажите им, что обыск должен быть проведен столь тщательно, чтобы по окончании его они готовы были подтвердить под присягой, что рукописи в этих местах нет, если, конечно же, они ее не найдут. Если вы не знаете, кому доверить подобную работу, вам поможет мистер Имхоф или его адвокат... Мог бы и я. Вы сделаете это?

Она посмотрела ни Имхофа. Тот ответил:

– Несомненно, так и следует поступить. Это же очевидно. Мне следовало додуматься до этого самому. Вы найдете мужчину и женщину?

– Если вам угодно, да. Также они должны обыскать и другие места, с которыми мисс Уинн непосредственно связана. У вас нет агента, мисс Уинн?

– Нет.

– А был когда-нибудь?

– Нет. – Она снова слегка покраснела. – «Постучи в мою дверь» – мой первый роман... Первый изданный. До этого я опубликовала только несколько рассказов в журналах, и ни один агент не хотел за меня браться... По крайней мере, из хороших. Для меня это огромное потрясение, мистер Вулф, – моя первая же книга добилась такого невероятного успеха, и, естественно, я была на седьмом небе, и тут вдруг это... это ужасное дело.

– Несомненно, – кивнул Вулф. – У вас есть машина?

– Да. Купила в прошлом месяце.

– Обыскать нужно и ее. Что еще? Шкафчик на теннисном корте?

– Нет. Ничего подобного.

– Часто ли вы ночуете вне дома? Насколько часто?

Я ожидал, что подобный вопрос вгонит ее в краску более яркую и насыщенную, но, по-видимому, помыслы ее были чище моих.

– Почти никогда, – покачала она головой. – Я отнюдь не компанейский человек, мистер Вулф. Пожалуй, у меня и близких друзей-то нет. А единственные мои близкие родственники, отец и мать, живут в Монтане, сама я не была там вот уже десять лет. Вы сказали, что нужно обыскать места, с которыми я непосредственно связана, но таких нет.

Вулф повернул голову:

– Мистер Харви, как я сказал вам по телефону, в плагиате я ничего не смыслю. Однако могу предположить, что он затрагивает нарушение авторского права. Все эти пять претензий основывались на материалах, ранее не публиковавшихся и потому не защищенных авторским правом. Тогда почему их просто не проигнорировали?

– Потому что нельзя было, – отозвался Харви. – Все не так просто. Сам я не юрист, так что, если вам нужны юридические формулировки, можете получить их у консультанта НАПД, но на все подобные вещи, даже если они и не охраняются авторским правом, распространяется право собственности – так, кажется, это называется. Присуждение присяжными Джейн Огилви ста тридцати пяти тысяч долларов рассматривалось судьей на отдельном разбирательстве. Хотите, я позвоню нашему юристу?

– С этим можно подождать. Сначала мне необходимо узнать, для чего вы хотите меня нанять. Первые три случая – уже история, и, по-видимому, таковым скоро окажется и четвертый, мистера Ошина. Вы хотите, чтобы я провел расследование в интересах мисс Уинн?

– Нет. Точнее, и да и нет. Наш комитет был основан шесть недель назад, еще до предъявления претензии мисс Уинн. Учрежден на собрании совета НАПД в марте. Нам представлялось предельно ясным, что происходит. Вымогательство Элис Портер у Эллен Стердевант и его успешный исход повели за собой и остальных. Саймон Джейкобс в точности скопиро-

вал ее метод против Ричарда Экхолса, за исключением одной детали – способа доказательства первичности своей рукописи и предположения, что Экхолс мог иметь к ней доступ. Но изменил он эту деталь, потому что на самом деле посылал свою рукопись в литературное агентство «Норрис и Баум», и ее оттуда вернули. Он лишь воспользовался произошедшим двумя годами ранее. Естественно, рукопись, которая послужила основанием для его претензии и которую он предоставил «Тайтл-Хаусу» и Экхолсу для изучения, была вовсе не той, что он посылал «Норрис и Баум» в пятьдесят четвертом. Он написал ее после публикации романа Экхолса и назвал ее так же, как и ту, что отправлял в литературное агентство, – «Все мое – твое».

– Вы можете упускать очевидное, – хмыкнул Вулф. – Вы предполагаете, насколько я понимаю, что во всех пяти случаях имел место плагиат наоборот. Рукопись, подтверждающая претензию, была написана после издания книги или постановки пьесы и достижения ими успеха.

– Конечно, – согласился Харви. – Все действовали по шаблону. Третья, Джейн Огилви, следовала ему неукоснительно, с той лишь разницей, что ей нежданно повезло. Какой бы план по обнаружению рукописи в доме Марджори Липпин у нее ни имелся, воспользоваться им ей не пришлось, потому как миссис Липпин очень кстати умерла. И в случае с Кеннетом Реннером единственной разницей вновь оказался способ обнаружения рукописи. – Он замолчал и прикрыл рот ладонью, последовал звук, хотя и не слишком внятный, чтобы назвать его отрыжкой. – Колбаса на завтрак, – заметил он для протокола. – Не следовало этого делать. Так вот обстояли дела, когда наш комитет собрался на первое заседание. На собрании совета НАПД один видный романист заявил, что в начале осени у него должна выйти новая книга и он очень надеется, что она провалится. Никто на это не засмеялся. На первом заседании комитета Джеральд Кнапп, президент «Кнапп и Боуэн»... Как вы там сказали, мистер Кнапп?

Кнапп облилиз губы:

– Я сказал, с ног нас пока не сбили, но у издательства в списке бестселлеров три романа, и мы боимся открывать почту.

– Такая вот ситуация, – продолжил Харви. – И вот теперь Элис Портер опять взялась за свое. Необходимо что-то предпринять. Это должно быть остановлено. Мы проконсультировались с дюжиной адвокатов авторов и издателей, и никто из них не смог предложить ничего дельного. За исключением одного, пожалуй, – того, который и посоветовал нам обратиться к вам. Вы можете остановить это?

– Мистер Харви, вы имели в виду совсем другое, – покачал Вулф головой.

– Что я имел в виду?

– Ваш вопрос. Если вы ожидали, будто я отвечу отрицательно, то не пришли бы ко мне. Если же ожидали положительного ответа, то наверняка считаете меня хвастуном, и в этом случае тоже не пришли бы. Несомненно, я не стану брать на себя обязательство лишить кого-либо возможности и в дальнейшем вымогать у писателей деньги описанным вами способом.

– Этого мы не ожидали бы от вас.

– Тогда чего бы вы ожидали?

– Мы ожидали бы, что ваши действия относительно данной ситуации оказались бы таковы, что мы оплатили бы ваш счет не только потому, что должны были бы, но и потому, что ощутили бы, что вы их заработали и деньги мы потратили не впустую.

– Вот это другой разговор, – кивнул Вулф. – Сформулировано, как и можно было бы ожидать от автора «Почему боги смеются», который я только что прочитал. Я полагал, что пишете вы лучше, чем говорите, но вы неплохо выразили свою мысль, поскольку вас призвали к ответу. Так вы хотите нанять меня на этих условиях?

Харви бросил взгляд на Джеральда Кнаппа, а затем на Декстера. Те переглянулись. Рубен Имхоф спросил у Вулфа:

– Не могли бы вы объяснить нам, что именно предпримете и каков будет ваш гонорар?

– Нет, сэр, – ответил Вулф.

– Какого черта! – бросил Мортимер Ошин, раздавливая сигарету. – Он все равно ничего не может гарантировать, разве нет?

– Лично я проголосовал бы за сотрудничество на этих условиях, – изрек Джеральд Кнапп, – при условии, само собой разумеется, что мы в любой момент можем прервать действие нашего договора.

– Звучит как оговорка в издательском контракте, – заметил Харви. – Вы принимаете ее, мистер Вулф?

– Разумеется.

– Тогда вы за, мистер Кнапп?

– Да. Это наш адвокат предложил обратиться к Ниро Вулфу.

– Мисс Уинн?

– Да, если и остальные согласны. Это была хорошая идея, обыскать мою квартиру и студию на Перри-стрит.

– Мистер Ошин?

– Конечно.

– Мистер Декстер?

– При условии, что по желанию мы можем расторгнуть договор, да.

– Мистер Имхоф?

Имхоф выпятил подбородок:

– Я готов согласиться, но хотел бы обсудить пару пунктов. Мистер Вулф говорит, что не может объяснить своих действий по делу, да и мы, естественно, не можем ожидать от него, что он прямо сейчас вытащит кролика из шляпы, но, как выразился он сам, три первых случая – уже история, а четвертый скоро таковым станет. Однако к случаю мисс Уинн это не относится. Он еще свежий. Претензию только предъявили, и сделала это Элис Портер – женщина, которая все и начала. Посему я полагаю, что он должен сосредоточиться на данном случае. Второй мой пункт заключается в следующем: если он займется Элис Портер и если поймает ее и заставит отозвать претензию, то, полагаю, мисс Уинн не станет возражать, что с ее стороны будет только справедливо и уместно выплатить мистеру Вулфу часть гонорара. Вы так не думаете, Эми?

– Ну... Да. – У нее задергался нос. – Конечно.

– Также будет справедливо и уместно, – вмешался Харви, – что и «Виктори пресс» выплатит часть. Вы так не думаете?

– Мы выплатим, – ухмыльнулся Имхоф. – Внесем долю АКА. Может, даже еще добавим. – Он обратился к Вулфу: – Так как насчет сосредоточиться на Элис Портер?

– Возможно, сэр. Я подумаю над этим. – Вулф перевел взгляд на председателя. – Так кто мой клиент? Ведь не весь комитет.

– Что ж... – Харви взглянул на Джеральда Кнаппа.

– Договоренность, мистер Вулф, – улыбнулся Кнапп, – состоит в том, что Ассоциация книгоиздателей Америки и Национальная ассоциация писателей и драматургов будут оплачивать по половине расходов, понесенных данным комитетом. Они и есть ваши клиенты. Вы будете отчитываться перед мистером Харви, председателем комитета, как их представителем. Полагаю, это приемлемо?

– Да. Операция может оказаться трудоемкой и дорогостоящей, и я вынужден просить об авансе на расходы. Скажем, пять тысяч долларов?

На этот раз Кнапп посмотрел на Харви.

– Хорошо, – сказал Харви. – Вы их получите.

– Прекрасно. – Вулф выпрямился, глубоко вдохнул и выдохнул.

Со стороны это выглядело так, будто ему предстояло едва ли не под принуждением взяться за дело и немного поработать, и для принятия столь тягостной перспективы ему потребовался дополнительный кислород.

– Естественно, – продолжил он, – мне необходимы все записи и документы, относящиеся ко всем случаям, или же их копии. Все. Включая, например, и отчеты детективного агентства, нанятого мистером Ошином. Я не могу выработать план, пока не получу полную информацию, но тем временем делу могут помочь и ответы на несколько вопросов. Мистер Харви, предпринимались какие-либо попытки выявить связь между Элис Портер, Саймоном Джейкобсом, Джейн Огилви и Кеннетом Реннертом или хотя бы между любыми двумя из них?

– Конечно, – кивнул Харви, – такие попытки предпринимались. Адвокатом, представлявшим наследников Марджори Липпин, ее сына и дочь, и нанятым Ошином детективным агентством. Они ничего не обнаружили.

– Где те четыре рукописи, на которых основывались претензии? Не копии, а сами рукописи. Их можно получить?

– У нас имеются только две: «Есть только любовь» Элис Портер и «Все мое – твое» Саймона Джейкобса. Рукопись «На земле, а не на небесах» Джейн Огилви служила на суде вещественным доказательством. После того как дело было выиграно, ее вернули владелице. У нас есть копия – копия, не факсимиле. набросок пьесы Кеннета Реннерта «Бушель любви» находится у адвоката Ошина, и он не хочет давать нам его копию. Конечно же, нам...

Мортимер Ошин отвлекся от чирканья очередной спичкой и пробурчал:

– Да он даже мне копии не даст.

Харви закончил:

– Конечно же, нам ничего не известно о рассказе «Шанс стучится» Элис Портер, на котором она основывает свою претензию к Эми Уинн. Хотя у меня есть подозрение, что вы отыщете его во время обыска старой квартиры мисс Уинн на Перри-стрит. А если найдете ее, что тогда?

– Понятия не имею. – Вулф скорчил гримасу. – Черт побери, вы всего лишь показали мне костяк, а я отнюдь не волшебник! Я должен знать, что в каждом случае было сделано и что упущено. Что с бумагой и печатью рукописей? Неужели ничего достойного внимания? А характеристики и биографии истцов? Давала ли Джейн Огилви показания на суде под присягой и грамотно ли ее подвергли перекрестному допросу? Как рукопись Элис Портер попала в ящик комода Эллен Стердевант? Как рукопись Джейн Огилви оказалась в чемодане на чердаке Марджори Липпин? Как набросок пьесы Кеннета Реннерта угодил в папку бывшего агента мистера Ошина? Хоть какой-то ответ, пусть даже гипотетический, нашли на какой-либо из этих вопросов? – Он развел руками. – Ну и конечно же, вопрос, что насчет вашего предположения, будто все эти претензии являлись фальсифицированными? Я не могу просто взять и проглотить его с закрытыми глазами. Могу принять как рабочую версию, но не могу отвергать и возможность, что одна или несколько предполагаемых жертв и вправду вор и лжец. «Писаки все крадут, когда есть шанс», несомненно...

– Чепуха! – взорвался Мортимер Ошин.

Вулф поднял брови:

– Это были кавычки, мистер Ошин. Сказано, или написано, более века назад Барри Корнуоллом, английским поэтом и драматургом. Он написал «Мирандолу» – трагедию, которая была поставлена в Ковент-Гардене с Макреди и Кемблом³ в ролях. Бесспорно, это преувеличение, но отнюдь не вздор. Если бы тогда в Англии существовала Национальная ассоциация писателей и драматургов, Барри Корнуолл вступил бы в нее. Так что сей вопрос должен оста-

---

³ Уильям Чарлз Макреди (1793–1873) – знаменитый английский писатель и актер, талантливый исполнитель классических и бытовых ролей. Джон Филип Кембл (1753–1823) – английский актер, антрепренер и эссеист; вошел в историю театрального искусства как великий трагический актер.

ваться открытым и относительно других. – Он перевел взгляд. – Мисс Уинн, с обыском квартир тянуть не стоит. Вы организуете или мне заняться?

Эми Уинн посмотрела на Имхофа, и тот посоветовал ей:

– Пускай он займется.

Она передала Вулфу:

– Займитесь этим вы.

– Прекрасно. Вы получите разрешение от девушек, с которыми снимали квартиру на Перри-стрит, и впустите в свою нынешнюю квартиру пришедших производить обыск, а сами затем уйдете. Арчи, вызывай Сола Пензера и мисс Боннер.

Я повернулся к телефону и набрал номер.

Глава 3

Спустя тридцать четыре часа, в одиннадцать часов вечера среды, Вулф выпрямился в кресле и произнес:

– Арчи...

Мои пальцы замерли над клавишами пишущей машинки.

– Да, сэр?

– Получен ответ еще на один вопрос.

– Хорошо. На какой же?

– О невинности жертв. Их bona fide установлено. Их обобрали. Взгляни сюда.

Я поднялся и подошел к его столу. Для этого мне пришлось обогнуть перенесенный из гостиной стол, заваленный едва ли не полутонной бумагой – папками с перепиской, вырезками из газет, фотографиями, скопированными на мимеографе отчетами, расшифровками телефонных разговоров, фотокопиями, книгами, вырванными листками, списками имен и адресов, письменными показаниями под присягой и прочими материалами. С перерывами лишь на еду, сон и две свои ежедневные смены в оранжерее на крыше Вулф провел эти тридцать четыре часа за работой с ними, и я тоже. Мы оба прочли каждую из этих бумажек, за исключением четырех книг: «Цвет страсти» Эллен Стердевант, «Бери все, что я даю» Ричарда Экхолса, «Святой или нечестивец» Марджори Липпин и «Постучи в мою дверь» Эми Уинн. Смысла продирааться через них не было, поскольку и так все признавали, что их сюжет, персонажи и развитие действия не отличались от таковых в рассказах, на которых основывались претензии.

Печатал же я в тот момент, когда Вулф меня прервал, показания на подпись Солу Пензеру и Дол Боннер, которые явились с отчетом сегодня днем. Они провели семь часов во вторник в квартире на Перри-стрит и шесть часов в среду на нынешнем месте жительства Эми Уинн на Арбор-стрит и готовы были присягнуть на стопке бестселлеров, что ни в одном из этих мест рукописи рассказа Элис Портер под заглавием «Шанс стучится» не оказалось. На Перри-стрит никаких рукописей за авторством кого бы то ни было не обнаружилось вовсе. На Арбор-стрит таковых имелся целый ящик стола: два романа, двадцать восемь рассказов и девять очерков – все написанные Эми Уинн и выказывающие признаки потрепанности, свидетельствующие о нескольких путешествиях по почте. Сол составил список из названий с указанием количества страниц, но я решил, что включать его в показания необходимости нет. Я позвонил по номеру Филипа Харви, чтобы отчитаться, но ответа не дождался, и тогда связался с Рубеном Имхофом из «Виктори пресс». Доброй вести тот обрадовался и пообещал передать ее Эми Уинн.

Обогнув заваленный бумагами стол, я встал рядом с Вулфом. Перед ним в ряд лежали три коллекционных раритета: оригинальные рукописи «Есть только любовь» Элис Портер и «Все мое – твое» Саймона Джейкобса, а также копия «На земле, а не на небесах» Джейн Огилви. В руке Вулф сжимал листки из своего блокнота. Причем держал он их вертикально, опираясь локтем на подлокотник кресла. Подобная поза требует затрачивания энергии, и прибегает он к ней только в тех случаях, когда особенно доволен собой.

– Ну, смотрю, – отозвался я. – Что же это? Отпечатки пальцев?

– Даже лучше. Все эти три рассказа написаны одним и тем же лицом.

– Ах вот как? Но не на одной и той же пишущей машинке. Я сравнивал их под лупой.

– И я тоже. – Он потряс листками. – И это лучше, чем пишущая машинка. В машинке можно поменять шрифт. – Он взглянул на верхний листок. – В рассказе Элис Портер один персонаж заявляет что-то шесть раз. У Саймона Джейкобса – восемь раз. У Джейн Огилви – семь. Тебе, конечно же, известно, что почти у каждого сочинителя диалогов имеется свой любимый заменитель, или даже несколько, для слова «сказать». Желая как-то разнообразить «он сказал» или «она сказала», они заставляют их утверждать, констатировать, выпаливать,

изливаться, вещать, признавать, шептать, ворчать, огрызаться и так далее, таких заменителей десятки. И писатели имеют обыкновение повторять какой-то один из них. Сочтешь ли ты совпадением, что у этого мужчины и этих двух женщин один и тот же любимец – «заявлять»?

– А почему бы и нет? Помню, вы как-то заметили, что не так уж и невероятно, что при перемещении солнца к югу температура понижается лишь по совпадению.

– Пф! То был разговор. А это работа. У этих рассказов есть и другие сходства, равным образом примечательные. Два из них словесные. – Вулф взглянул на второй листок. – У Элис Портер есть вот такое: «Не задаром же бросил он единственного человека, которого когда-либо любил». И еще: «Она могла потерять к себе уважение, но не задаром». И у Саймона Джейкобса: «А уж если и суждено ему лишиться своей чести, то только не задаром». И еще: «Не задаром же перенесла она мучения, выдержать которые не способна ни одна женщина». А у Джейн Огилви мужчина отвечает на вопрос: «Не задаром, дорогая, не задаром».

Я почесал щеку:

– Что ж. Не задаром прочли вы эти рассказы.

Вулф перешел к третьему листку:

– И другое словесное сходство. У Элис Портер имеется такое: «Она едва лишь прикоснулась к нему, а он уже почувствовал, как сердце его заколотилось». И далее: «Ночь едва лишь началась, когда она подошла к двери и достала ключ». И вот: «Едва лишь выпадет шанс, и тогда... Но выпадет ли он?» Саймон Джейкобс использовал в подобных оборотах «едва лишь» четыре раза, а Джейн Огилви – три.

– Сдаюсь, – заявил я. – Совпадение исключено.

– Но есть и еще два других сходства. Одно – пунктуационное. Все они обожают точку с запятой и ставят ее там, где большинство предпочли бы запятую или тире. Второе менее очевидное, но для меня самое решающее. Умелый писатель с успехом может замаскировать каждую особенность своего стиля, за исключением одной – разбиения на абзацы. Манеру выражаться и синтаксис можно задать и контролировать посредством сознательных мыслительных процессов, но вот разделение на абзацы... Решение продвигаться короткими или длинными прыжками, перескочить на середине мысли или описания действия или же сначала завершить их – такие решения принимаются инстинктивно, исходя из глубинных черт личности. Я еще могу признать, что словесные сходства и даже пунктуационные являются лишь следствием совпадения, но не разбиение на абзацы. Три этих рассказа разделялись на абзацы одним и тем же человеком.

– «Сочиняйте сами», – отозвался я.

– Что?

– Так, ничего. Заголовок статьи, которую как-то прочитал в подвернувшейся «Таймс бук ревью». В ней обсуждалась идея, будто писателю следует только создавать своих персонажей, а потом предоставлять им самим развивать действие и сюжет. И этот парень решительно выступал против подобной идеи. Он утверждал, что сочинять нужно самим. Я еще подумал, что детектив, работающий над каким-то делом, сам сочинить ничего не может. Ведь все уже придумано. Сами посудите. Ладно, это из другой оперы. Один только вопрос: почему с учетом этих сходств никто не заметил, что все рассказы написал один и тот же человек?

– Вероятно, потому, что никто не собирал их вместе и не сравнивал их. До создания этого комитета они находились у разных людей.

Я вернулся к своему столу и сел:

– Что ж, мои поздравления. Значит, мне придется изменить свои догадки насчет дела.

Полагаю, вы уже изменили.

– Нет. У меня их даже не появилось.

Я взглянул на часы:

– Четверть двенадцатого. Харви, должно быть, уже дома. Хотите похвастаться?

– Нет. Я устал и хочу спать. Спешить незачем. – Вулф оттолкнулся в кресле и встал.

Иногда он поднимает свою седьмую часть тонны к себе в комнату самоходом, то есть по лестнице, но этим вечером воспользовался лифтом. После его ухода я положил перед собой на столе три рассказа и примерно полчаса изучал разделение на абзацы, и хотя Лили Роуэн как-то заявила, будто утонченности во мне столько же, сколько в кувалде, – в тот момент, когда ее манера выражаться не задавалась и не контролировалась посредством сознательных мыслительных процессов, – я все же понял, что подразумевал Вулф. Затем убрал рукописи в сейф и задумался над проблемой груды бумаг на столе. Статус и функции обитателей старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать Пятой улице четко определены. Вулф – владелец и комендант. Фриц Бреннер – повар и эконом и отвечает за состояние всего дома, за исключением оранжереи, кабинета и моей спальни. Теодор Хорстманн – нянька орхидей, никаких обязанностей и дел на нижних этажах у него не имеется. Ест он на кухне с Фрицем. Я же ем в столовой с Вулфом, кроме случаев, когда мы не разговариваем, тогда я присоединяюсь к Фрицу и Теодору на кухне, или меня куда-нибудь приглашают, или веду подругу в ресторан, а то и вовсе отправляюсь в ресторанчик «У Берта» за углом на Десятой авеню и наслаждаюсь бобами. Мои статус и функции зависят от требований конкретной ситуации, и именно вопрос, кто определяет эти требования, порой и приводит к тому, что мы с Вулфом не разговариваем. Следующее предложение получается таким: «Однако ответственность за груды бумаг на столе, поскольку она располагалась в кабинете, явственно лежала на мне», и мне остается только решить, оставить стол здесь или же начать с него новый абзац. Видите, сколь на самом деле тонок этот вопрос? Разбейте на абзацы сами.

Я стоял и обзирал груды бумаг, в которых были рассеяны различные сведения о четырех предьявителях претензий. При условии что один из них и написал все рассказы, кто же является наиболее вероятной кандидатурой? Мысленно я пробежался по ним.

Элис Портер. На четвертом десятке, не замужем. Словесный портрет отсутствовал, но имелась фотография. Полноватая, фунтов сто пятьдесят. Круглое лицо, маленький нос, глаза посажены чересчур близко. В 1955 году проживала в Коландер-Хаусе на Западной Восемьдесят второй улице – общежитии для девушек и женщин, которые не могут себе позволить чего-то более изысканного. Нынче обитает около Кармела, в шестидесяти милях к северу от Нью-Йорка, в домике, предположительно купленном за денежки, что она урвала у Эллен Стердвант. В период между 1949 и 1955 годами Элис Портер опубликовала в журналах четырнадцать детских рассказов, а в 1954-м – одну детскую книжку «Мотылек, который ел арахис» в издательстве «Бест и Грин», но успехом та не пользовалась. Портер вступила в Национальную ассоциацию писателей и драматургов в 1951-м, через три года ее оттуда исключили за неуплату взносов, но в 1956-м она вступила в организацию снова.

Саймон Джейкобс. Словесный портрет и фотография. Шестидесять два года, худой до костлявости, волосы как у Марка Твена (перл от адвоката «Тайтл-Хауса»), заика. Женился в 1948 году, то есть в пятьдесят один год. В 1956-м проживал с женой и тремя детьми в многоквартирном доме на Западной Двадцать первой улице и на данный момент так там и оставался. Во время Первой мировой войны в составе Американского экспедиционного корпуса воевал в Европе, дважды был ранен. В период с 1922 по 1940 год под четырьмя псевдонимами написал сотни рассказов для дешевых журнальчиков. Во время Второй мировой войны работал в Управлении военной информации, писал радиосценарии на немецком и польском. После войны вновь взялся за сочинительство, но рассказов продавал не так уж и много – восемь-десять в год по три цента за слово. В 1947 году «Оул пресс» издало его книгу «Залп на рассвете», коей было продано 35 000 экземпляров, годом позже женился и снял квартиру в Бруклин-Хайтсе. Более книг не издавал, лишь продал несколько рассказов. В 1954-м переехал на Западную Двадцать первую улицу. Член НАПД с 1931 года, взносы неизменно платил исправно – даже во время войны, хотя и не был обязан.

Джейн Огилви. Словесные описания из трех источников и несколько фотографий. На исходе третьего десятка или же в начале четвертого, в зависимости от источника. Изыщная фигурка и миловидное личико с задумчивыми глазами. В 1957 году проживала с родителями в их доме в Ривердейле, на данный момент там же и оставалась. После выплаты из наследства Марджори Липпин сразу же отправилась без сопровождающих в Европу, но пробыла там лишь месяц. Ее отец занимался оптовой торговлей металлоизделий, и весьма успешно. На суде она показала, что в журналах было опубликовано семнадцать ее стихотворений, и по просьбе своего адвоката даже прочитала три из них со свидетельского места. А вот ее рассказы или романы не издавались. Член НАПД с 1955-го, имела задолженность по взносам за год.

Кеннет Реннерт. На основании отчетов детективного агентства, нанятого Мортимером Ошином, я мог бы отвести ему несколько страниц. Тридцать четыре года, холост. На вид моложе. Мужественный (это не мой эпитет, а детектива), мускулистый и красивый. Пронзительные карие глаза и так далее. Место жительства – чудесная большая комната с ванной и кухонькой на Западной Тридцать седьмой улице. Детектив прочесал ее дважды. Мать и сестры проживали в Оттамуа, штат Айова, отец умер. В 1950 году окончил Принстонский университет. Устроился на работу в брокерскую фирму «Оркатт и компани», но в 1954-м был уволен по факту нарушений – по-видимому, за мошенничество с клиентами, точные сведения отсутствовали. Публичных обвинений не последовало. Начал писать для телевидения. За четыре года, насколько удалось установить, продал лишь девять сценариев, однако никаких других источников его дохода выявлено не было. Он занимал где только можно, и сумма его долга, вероятно, достигала тридцати или сорока тысяч. В НАПД никогда не состоял, как не удовлетворяющий требованиям. Не предложил на рассмотрение агентам или продюсерам ни одной пьесы.

Вот такими они и были. В тот вечер, перед тем как отправиться спать, я остановил свой выбор на Элис Портер. Она провернула дельце первой, еще в 1955 году, и теперь решила повторить. Она написала книжку «Мотылек, который ел арахис», а это демонстрировало, что она ничем не гнушается. К тому же глаза у нее сидели чересчур близко. Наутро, если Вулф поинтересуется моими предложениями, как обычно он из вежливости поступает, я посоветую искать связь Элис Портер с Саймоном Джейкобсом в 1956-м, с Джейн Огилви в 1957-м и, возможно, с Кеннетом Реннертом в 1958-м. Если рассказы написала она, а они воспользовались ими, контакты, несомненно, имели место. Детективное агентство Ошина и адвокат наследников Марджори Липпин ничего не обнаружили, но наличие результатов зависит от того, кто ищет.

Освободив место на полках одного из шкафов, я за семь заходов перетащил туда бумаги со стола, запер шкаф, отнес стол назад в гостиную и отправился к себе спать.

Глава 4

Я так и не внес этого предложения, поскольку в то утро вторника проспал. Но у меня появилось кое-что получше. В четверть девятого я спустился в кухню, обменялся приветствиями с Фрицем, взял стакан с апельсиновым соком, сделал кисло-сладкий глоток, который неизменно является первым вестником рассеяния тумана в голове, и спросил:

– А где омлет?

Фриц закрыл дверцу холодильника:

– Арчи, тебе прекрасно известно, почему яйца еще не разбиты.

– Конечно известно, но я хочу есть.

Означало же это следующее: когда Фриц принес поднос с завтраком Вулфу в комнату, тот сказал, что я ему нужен, и теперь Фриц не разобьет ни одного яйца, пока не услышит, что я спускаюсь вниз. Апельсиновый сок большими глотками я не пью, поэтому прихватил стакан с собой, поднялся по лестнице, повернул налево к открытой двери в конце коридора и вошел. Босоногий Вулф, желтая гора в пижаме, сидел в своем втором любимом кресле за столом у окна и намазывал малиновый джем на оладью. Я ответил на его приветствие и тут же продолжил:

– Экземпляры «Мотылька, который ел арахис» и «Залпа на рассвете», вероятно, найдутся у издателей, но вот чтобы откопать журналы со стихами Джейн Огилви, наверняка понадобится несколько дней. Вам хватит книг Элис Портер и Саймона Джейкобса или нужны еще и рассказы?

– Особой проницательности для этого не требовалось, – хмыкнул он.

– Нет, сэр. Я вовсе не чванюсь. Просто я голоден и хочу сэкономить время.

– У тебя получилось. Сначала книги. Рассказов, пожалуй, не нужно. Стихи Джейн Огилви вряд ли что дадут, я прочел три из них. Сочинителю стишков нужны только слова для размера и рифмы, абзацы ему ни к чему.

Я глотнул сока и спросил:

– А если они захотят знать, для чего нам нужны книги, объяснять?

– Нет. Не говори. – Он подцепил вилкой кусок оладьи с джемом.

– А если позвонит Харви?

– Сообщить ему пока нечего. Может, позже. Мне нужны эти книги.

– Что-нибудь еще?

– Нет. – Вулф поднес вилку ко рту.

Когда я вернулся на кухню, Фриц уже разбил яйца и взбивал их. Я уселся за стол, взял утреннюю «Таймс» и глотнул апельсинового сока.

– Хорошее дело? – поинтересовался Фриц.

В его понимании хорошее дело не мешает еде, не затягивается настолько, что Вулф становится совершенно невыносимым, и, вероятно, обещает солидный гонорар.

– Так себе, – ответил я. – Все, что нам придется сделать, – прочесть пару книжек. Наверное.

Он поставил сковородку на плиту:

– Эта мисс Боннер задействована в нем?

Я ухмыльнулся. Каждую женщину, переступающую порог нашего дома, он воспринимает как потенциальную угрозу своей кухне, не говоря уже о других наделах, и особые подозрения он питал относительно Дол Боннер. Дол, сокращенное от Теодолинды, единственная женщина в Нью-Йорке, владевшая и управлявшая сыскным агентством.

– Нет, – ответил я. – Вчера она приходила по личному вопросу. Мистер Вулф все называет ей с приглашением на обед, вот она и хочет, чтобы я уговорил его оставить ее в покое.

Фриц направил на меня ложку:

– Арчи, если бы я умел врать с твоим апломбом, то стал бы посланцем. Ты ведь знаешь женщин. И тебе прекрасно известно, что женщина с глазами цвета, как у мисс Боннер, и ресницами такой длины, причем натуральными, – опаснейшая зверь.

К девяти часам туман в голове рассеялся окончательно благодаря абрикосовому омлету, оладьям с беконом и медом и двум чашкам кофе. Я отправился в кабинет и набрал номер Филипа Харви. Судя по его реакции, еще даже не занялся рассветом. Успокоив Харви и пообещав никогда впредь не звонить ему ранее полудня, за исключением случаев действительно крайней необходимости, я изложил ему, что мне нужно: имена людей из «Бест и Грин» и «Оул пресс», которые не отказались бы сотрудничать. Харви ответил, что никого ни там, ни там не знает, посоветовал обратиться к исполнительному секретарю НАПД и бросил трубку. Замечательный председатель. Когда же я связался с исполнительным секретарем, она пожелала узнать, какого рода сотрудничество мне требуется. Я объяснил, и тогда она пожелала узнать, зачем Ниро Вулфу книги. На это я ответил, что ни один хороший детектив никогда не расскажет, зачем ему что-то необходимо, и если я назову ей причину, то она наверняка будет ложной, и в конце концов извел ее и получил пару имен.

Мистер Арнольд Грин из «Бест и Грин» проявил крайнюю подозрительность. Он не озвучил этого напрямую, но я сделал вывод, что он подозревает, будто Объединенный комитет по борьбе с плагиатом был организован кое-какими его конкурентами с целью заговора, чтобы натянуть «Бест и Грин» нос компрометацией одного писателя, книгу которого они издали пять лет назад. Да и вообще, «Мотылек, который ел арахис» оказался провалом, остатки его тиража были распроданы по сниженной цене, и лишь несколько экземпляров, четыре или пять, хранятся в архиве редакции. Интересно, как эта книга связана с расследованием Ниро Вулфа? Когда он чуть поостыл, я уверил его, что всецело понимаю его точку зрения и передам господам Кнаппу, Декстеру и Имхофу, что по некоей причине – вполне возможно, и благой – он отказался выслать мистеру Вулфу экземпляр книги, на что мистер Грин запротестовал, что я неправильно его понял, он вовсе не отказывался, и, быть может, одна книжка завалилась где-нибудь поблизости. Если она отыщется, он отправит ее с посылным, а нет, так pošлет кого-нибудь за ней в архив.

Напротив, мистер У. Р. Пратт из «Оулл пресс» был сама деловитость. Я только начал, что Ниро Вулфа нанял для расследования Объединенный комитет по борьбе с плагиатом, как он перебил меня, заявив, что ему об этом известно, и спросил, что мне надо. А когда я объяснил, что мистеру Вулфу как можно скорее требуется экземпляр «Залпа на рассвете» и я был бы весьма признателен, если он окажет любезность... он снова перебил, сказав, что, если я назову его секретарше адрес, она тут же отправит книгу с посылным. Вопросов он не задавал, но вот у секретарши они возникли. Ее первыми же словами были:

– А кому выставить счет?

Эта фирма своего упускать явно не собиралась.

«Залп на рассвете» доставили первым, что совершенно меня не удивило ввиду приложенного счета, включавшего и полтора доллара за услуги посылного. Вулф уже сидел в кабинете и просматривал утреннюю почту. Когда я протянул ему книгу, он скорчил гримасу и бросил ее на стол, однако через пару минут снова взял, нахмурился, глядя на обложку, и раскрыл. Он основательно погрузился в нее, когда прибыл «Мотылек, который ел арахис». Поскольку, как я уже говорил, мои функции зависят от требований конкретной ситуации, я тут же принялся отыскивать в ней «заявлять» и «не задаром» или что-нибудь вроде: «Едва лишь мотылек проглотил десяти тысячный орех арахиса, как у него разболелся живот». Ну и конечно же, точку с запятой и разделение на абзацы. Я продрался через половину книжки, когда ее потребовал Вулф. Я встал и отдал ему опус Элис Портер, а сам подверг изучению «Залп на рассвете».

В начале второго, незадолго до ланча, Вулф захлопнул книгу «Мотылек, который ел арахис», швырнул ее на стол и пробрюзжал:

– Пф! Ничего. Черт побери!

Я отложил «Залп на рассвете» и заметил:

– Насколько я понимаю, Саймона Джейкобса можно вычеркнуть, но книга Элис Портер – детская. Вряд ли стоит ожидать, что мотылек будет что-то там заявлять, даже если он и обожает арахис. Не хотелось бы отказываться от Элис Портер. Это ведь она начала аферу, а теперь снова взялась за нее.

Вулф злобно уставился на меня:

– Нет. Она не писала эти рассказы.

– Как скажете. Только зачем же так смотреть на меня? Ведь не я их написал. Это окончательно или вас просто разозлило, что ему или ей достало сообразительности надеть перчатки?

– Окончательно. И никому сообразительности не достало. Эти двое исключаются.

– Тогда остаются Джейн Огилви и Кеннет Реннерт.

– Джейн Огилви, весьма вероятно, тоже исключается. Женщина, написавшая три подобных псевдостихотворения и пользующаяся словечками и выражениями, которые встречаются в ее показаниях на суде, почти наверняка не способна написать эти три рассказа, в том числе и тот, на авторство которого претендовала. Кеннет Реннерт, конечно же, вероятная кандидатура – единственный, кто остается из квартета. Но его претензия основывается на наброске пьесы, а не на рассказе, но у нас нет этого наброска. Вполне возможно, что он действовал независимо. Можно ли раздобыть копии написанных им телевизионных сценариев?

– Даже не знаю. Мне выяснить?

– Да, но это не срочно. Согласно отчету детектива, они выдержаны в драматургическом стиле, а значит, только диалоги и содержат и почти ничего нам не дадут. Мне бы хотелось услышать твое мнение. Теперь наша работа заключается в поисках личности, мужчины или женщины. Личности, которая в тысяча девятьсот пятьдесят пятом прочла «Цвет страсти» Эллен Стердевант, написала рассказ под названием «Есть только любовь», позаимствовав из романа миссис Стердевант персонажей, сюжет и развитие действия, убедила Элис Портер воспользоваться им в качестве основания для претензии по плагиату, выдав его авторство за свое – предположительно соблазнив обещанием части выручки, – и, улучив удобный момент, каким-то образом проникла в загородный дом Эллен Стердевант и спрятала рукопись в ящике комода. Которая через год повторила представление с «Бери все, что я даю» Ричарда Экхолса, на этот раз с другим соучастником, Саймоном Джейкобсом, изменив лишь способ доказательства существования и первоочередности рукописи, воспользовавшись тем благоприятным обстоятельством, что Джейкобс некогда посылал рассказ агенту Экхолса и получил его назад. Которая в пятьдесят седьмом вновь провернула аферу с романом «Святой или нечестивец» Марджори Липпин, тоже с другим сообщником, Джейн Огилви, и тоже воспользовавшись благоприятным обстоятельством – смертью Марджори Липпин. Так вот, хотелось бы знать твое мнение. Кеннет Реннерт и есть эта личность?

– Я не знаю его достаточно хорошо, – покачал я головой.

– Но ты читал отчет детектива.

– Ага. – Я задумался. – Вот так вот сразу я бы ответил «нет». Десять к одному, что не он. Просто исходя из общего впечатления о нем. Особенно я сомневаюсь, что он стал бы возиться с сообщниками. И такой момент: не существует никаких свидетельств, что он был тем или иным образом связан с сочинительством или писателями, пока не попробовал свои силы на телевидении в пятьдесят пятом. Как же он тогда вышел на Элис Портер, Саймона Джейкобса и Джейн Огилви? И еще один: если он обращался к ним в первых трех случаях, делясь с ними добычей, потому что не хотел возиться с этим сам, почему же тогда в четвертом он провернул дельце лично, а в пятом вновь обратился к Элис Портер?

– Согласен, – кивнул Вулф. – Мы угодили в собственный капкан. Обнаружив, что эти три рассказа написаны одним и тем же лицом, мы решили, что упростили проблему. Теперь

оказывается, что только усложнили. Если эти четверо были лишь пешками в чьей-то игре, то кто тогда сам игрок? Скорее всего, он гражданин Соединенных Штатов. А таковых сто семьдесят миллионов.

– Ну, все не так плохо, – заявил я. – Вероятно, он из Нью-Йорка или его окрестностей. Пятнадцать миллионов. Не считая детей, неграмотных, миллионеров, заключенных...

В дверях возник Фриц:

– Ланч готов, сэр.

– У меня нет аппетита, – проворчал Вулф.

Таковой у него, впрочем, пропал не совсем. Он съел только четыре креольских фриттера с сырным соусом вместо обычных пяти.

Глава 5

В общем, Вулф поднял бунт, впервые за последние три года. Его бунты такие же, как и у всех прочих людей. Однако другие бунтуют против армии, флота или какой иной власти, а он бунтует против себя самого. Это был его дом, его кабинет, и он взялся за работу, но вот теперь повернулся к ней спиной. Сделанное им открытие, что три рассказа написаны одним лицом, – и открытие, признаю, весьма ловкое – обернулось против него самого, и тогда он взял и бросил работу. Естественно, дела за столом никогда не обсуждаются, однако по его настроению я понял, что он так и кипит затаенной злобой, и потому по возвращении в кабинет после ланча лишь вежливо поинтересовался, будут ли какие распоряжения сейчас или в дальнейшем.

– Сейчас, – ответил он. – Посетишь, как тебе и им будет удобно, мисс Портер, мисс Огилви, мистера Джейкобса и мистера Реннерта. Очередность на твоё усмотрение. Познакомься с ними.

Я вежливо ответил:

– Познакомиться с ними будет сущим удовольствием для меня. И о чем же нам говорить?

– Да о чем хочешь. Не мне тебя учить языком трепать.

– А как насчет собрать их всех здесь, чтобы и вы познакомились с ними?

– Нет.

– Понятно. – Я встал и посмотрел на него сверху вниз. Это его раздражает, поскольку так ему приходится поднимать голову, чтобы отвечать. – Наверно, здорово быть гением. Вы как эта певица, Дориа Рикко: когда что-то идет не так, она просто уходит со сцены, а потом устраивает пресс-конференцию. Мне организовать ее к шести? Вы могли бы заявить, что от великого художника вроде вас нельзя ожидать, что он справится с неудачей, которую любой обычный детектив всего лишь...

– Будь так добр, оставь свои замечания при себе.

Значит, это действительно бунт, а не просто преходящее раздражение. Если бы Вулф просто рывкнул мне «Заткнись!», что у него случается раза два-три на неделе, я бы знал, что через часок или чуть больше подобное настроение у него пройдет и он снова возьмется за работу, но такой вот ответ означал, что дело плохо. Это было надолго, возможно, очень надолго. Вулф встал, подошел к книжному шкафу, взял томик Шекспира из собрания сочинений, вернулся на место, откинулся на спинку кресла и раскрыл книгу. Отстраняясь таким образом не только от дела, но и от страны и столетия. Я побрел прочь. Покинув кабинет и дом, я дошел до Девятой авеню, остановил такси и назвал водителю адрес: Западная Двадцать первая улица, 632.

Это здание было многоквартирным домом не только согласно определению Акта по многоквартирным домам города Нью-Йорка, но и именно тем, что люди обычно подразумевают под выражением «многоквартирный дом». Это была трущоба. Определившись еще в такси, как начать разговор с Саймоном Джейкобсом, я отыскал его фамилию в списке, предпоследнюю сверху, и нажал на кнопку. Раздался щелчок, я открыл дверь, вошел и двинулся вверх по лестнице, вдыхая запах чеснока. Запах чеснока в испанском соусе, приготовленном Фрицем, – манящий аромат, а в вестибюле многоквартирного дома, где он впитывался в штукатурку половину столетия, от него свербит в носу. Лучше всего сразу же набрать полные легкие этого запаха, и тогда внутренности поймут, что сопротивление бессмысленно.

Тремя пролетами выше перед открытой дверью возле лестницы стояла женщина с мальчиком лет девяти-десяти. Когда я приблизился, он произнес:

– Ой, это не Томми, – и скрылся.

Я обратился к женщине:

– Миссис Джейкобс?

Она кивнула. Миссис Джейкобс меня удивила. Саймону Джейкобсу, которому теперь шел шестьдесят третий год, было пятьдесят один, когда он женился в 1948-м, но она отнюдь не выглядела старухой. Морщин на лице заметно не было, как и седины в мягких каштановых волосах. Я представился и сказал, что хотел бы поговорить с ее мужем, она ответила, что он не любит, когда его беспокоят во время работы, и попросила объяснить ей, что мне надо. На это я уверил ее, что ничего не продаю, а пришел по делу, которое может оказаться для него выгодным, и тогда она развернулась и удалилась в квартиру, оставив дверь открытой. Через некоторое время появился Саймон Джейкобс собственной персоной, весьма схожий со своим образом на фотографии – худой до костлявости, весь в морщинах, которых хватило бы на двоих, и, как выразился адвокат «Тайтл-Хауса», с шевелурой как у Марка Твена.

– Итак, сэр? – Ему подошел бы тонкий высокий голос, но у него оказался густой бас.

– Моя фамилия Гудвин, мистер Джейкобс.

– Моя жена так и сказала.

– Я сотрудник известного в стране журнала. Не буду называть его, пока не выясню, заинтересованы ли вы в одной идее, которую мы в данный момент рассматриваем. Могу я войти?

– Как сказать. Я прервал работу на середине рассказа. Не хочу показаться грубым, но что это за идея?

– Что ж... Мы подумали, что было бы неплохо попросить вас написать для нас статью. О том, каково это, когда другой писатель крадет написанный вами рассказ и превращает его в бестселлер. На наш взгляд, заголовок «Сочиняйте сами» очень даже к ней подошел бы. Я хотел бы объяснить вам, как, по нашему мнению, ее можно составить, и мы можем обсудить...

Он захлопнул дверь у меня перед носом. Вы можете подумать, что же я за детектив такой, ведь опытному сыщику должно доставать реакции, чтобы успеть просунуть ногу перед дверью, но, во-первых, он проделал это совершенно неожиданно, а во-вторых, обычно так не поступают, если только не нападают. А потому я просто показал двери длинный нос, развернулся и стал спускаться. Оказавшись на улице, я глубоко вдохнул, давая понять своим внутренностям, что теперь они могут расслабиться. Потом дошел до Десятой авеню, поймал такси и назвал водителю угол Тридцать седьмой улицы и Лексингтон-авеню.

Здание между Лексингтон-авеню и Третьей авеню оказалось разноцветным. Возможно, оно и было таким же старым, как тот многоквартирный дом на Двадцать первой улице, но его все же подновляли. Кирпичный фасад был выкрашен в серебристо-серый с ярко-синей отделкой, дверная коробка – в алюминиевый, и по бокам от нее в ящиках стояли вечнозеленые растения. На панели домофона в подъезде значилось восемь фамилий, по два жилья на этаж, и еще там располагалась решетка с микрофоном, а на крючке висела трубка. Я нажал кнопку у фамилии Реннерт и поднес трубку к уху. Через мгновение в ней послышался треск, а затем и голос:

– Кто там?

– Вы меня не знаете. Моя фамилия Гудвин. Я ничего не продаю. Возможно, даже захочу кое-что купить.

– Билл Гудвин?

– Нет. Арчи Гудвин.

– Арчи? Случайно, не Арчи Гудвин Ниро Вулфа?

– Он самый.

– Так-так! Я частенько размышляю, что же детективы покупают за половину той цены, по которой продают. Поднимитесь и расскажите мне! Верхний этаж.

Я повесил трубку, а когда раздался звонок, открыл дверь и вошел. Еще алюминий, в отделке лифта самообслуживания. Внутри кабины я нажал на кнопку с цифрой 4 и поехал вверх. Когда лифт остановился и дверь открылась, он уже стоял в небольшом холле – в рубашке с закатанными рукавами, без галстука, мужественный, мускулистый, красивый и на

вид моложе своих тридцати четырех лет. Мы обменялись крепким рукопожатием, и он провел меня в свою чудесную большую комнату. Она оказалась даже еще чудеснее и больше, чем я представлял после прочтения отчета. Реннерт усадил меня в чудесное большое кресло и предложил:

– Шотландский виски, ржаной, бурбон, джин?

Я с благодарностью отказался, и он уселся на чудесный большой диван, вероятно раскладной.

– Весьма рад, – сказал он, – если только вам не нужны мои отпечатки для сравнения с обнаруженными вами на кинжале в спине трупа. Клянусь, это не я. Людей я всегда закалываю спереди. Мне нравится ваш костюм. Мэттью Джонас?

– Питер Даррелл, – ответил я. – Отпечатки все равно не помогли бы. На кинжале ни одного не нашлось. То был старинный арабский с затейливой рукояткой. Я вам не соврал. Возможно, я действительно захочу кое-что купить, точнее, клиент Ниро Вулфа. Это парень с деньгами, и он хочет, чтобы их у него стало больше. Он носится со всякими идеями. И вот ему пришла мысль, что он мог бы купить ваш иск против Мортимера Ошина и Эла Френда по обвинению в краже вашего наброска пьесы «Бушель любви» и переделке его в «Бочонок любви». Он мог бы заплатить десять тысяч наличными за передачу прав на иск и ваши письменные показания под присягой в его подтверждение и еще десять тысяч, если и когда Ошин и Френд расплатятся. Естественно, он ожидает, что вы дадите показания без повестки, ежели дело дойдет до суда.

– Так-так. – Он вытянул ногу на диване. – И кто же этот благодетель?

– Клиент мистера Вулфа. Однажды мы улаживали для него проблему совершенно иного рода. Если мы согласимся на сделку, вы с ним встретитесь. Десять тысяч уже приготовлены в банкнотах.

– А если они не расплатятся?

– Конечно же, он рискует. Тогда он останется без десяти штук.

– Чепуха! Они заплатят. И заплатят в десять раз больше. Как минимум.

– Возможно, – согласился я. – Однажды. А если дойдет до суда, еще будут гонорары адвокатам и прочие расходы.

– Что ж. – Он закинул и вторую ногу на диван. – Передайте ему, что это может меня заинтересовать. Я готов встретиться с ним и все обсудить.

Я покачал головой:

– Обсуждайте сейчас со мной. Он поручил мистеру Вулфу уладить этот вопрос, потому что нужно обговорить еще парочку небольших деталей. Например, он хотел бы заручиться свидетельством, что это не единственный драматический сюжет, который вы сочинили. С этим проблем возникнуть не должно. Полагаю, у вас имеются копии некоторых ваших сценариев.

– Конечно. Всех.

– Прекрасно! Значит, эта проблема решена. Теперь следующая. Если дело дойдет до суда, весьма не лишним окажется подкрепление доказательствами вашего утверждения, что обнаруженный в папке в конторе Джека Сэндлера набросок с вашим именем на титуле написали именно вы, и наилучшим подкреплением послужит пишущая машинка, на которой вы его напечатали. Наш клиент хотел бы ее получить. Естественно, он за нее заплатит бы.

– Это было бы весьма мило с его стороны.

– Сам-то он вовсе не милый. Между нами, мне он совсем не нравится.

– Мне тоже. Он украл мою пьесу. – Реннерт опустил ноги на пол и встал. – Ладно, Хокшоу⁴. Выкатывайся!

---

⁴ *Детектив Хокшоу* – персонаж комиксов художника Гаса Мейджера (1878–1956), американская пародия на Шерлока Холмса.

Я не шевельнулся.

– Послушайте, мистер Реннерт. Я понимаю, каково вам...

– Я сказал, выкатывайся. – Он сделал шаг в мою сторону. – Нужна помощь?

Я встал, сделал два шага навстречу и оказался от него на расстоянии вытянутой руки:

– Хотите попробовать?

Я искренне надеялся, что он захочет. Из-за бунта Вулфа настроение у меня было такое, что с удовольствием кому-нибудь врезал бы, а благодаря росту и сложению этого персонажа меня как раз ожидало бы не только удовольствие, но и хорошая тренировка. Увы, одолжения мне Реннерт не сделал. Глаз он не отвел, но задний ход дал.

– Не хочу пачкать кровью ковер, – объявил он.

Я развернулся и пошел прочь. Когда я открывал дверь, он крикнул вслед:

– И передай Мортимеру Ошину, что его уловка стоит его вшивых сценариев!

Лифт так и оставался на площадке. Я шагнул в кабину и нажал на кнопку.

На улице я посмотрел на часы – пять минут пятого. Кармел располагался всего лишь в девяноста минутах езды, и таковая пошла бы на пользу моим нервам, но лучше было сперва позвонить. Какой там номер у Элис Портер? Я остановился, закрыл глаза, сосредоточился и вытащил его из нужной ячейки. На углу Лексингтон-авеню обнаружилась телефонная будка, я набрал номер, прослушал четырнадцать гудков и в конце концов повесил трубку, так и не дождавшись ответа. Придется довольствоваться поездкой покороче. Я прошел пешком до Десятой авеню и квартал к югу до гаража, сел в «херон», по праву покупки принадлежавший Вулфу, но по доверенности – мне, и взял курс на Вестсайдское шоссе.

Теперь в моей книжке значилось двадцать к одному, а то и тридцать к одному, что Кеннет Реннерт инициатором аферы не является. Кто бы там ни планировал и управлял кампанией, писал рассказы, подыскивал сообщников и злоупотреблял различными обстоятельствами, чтобы подбрасывать рукописи, недотепой он не был, в то время как к Реннерту это относилось в полной мере. Заподозрив или даже всецело уверовав, что клиентом Вулфа является Мортимер Ошин и что я пытаюсь его надуть, что само по себе особого напряжения мозговых извилин не требовало, он бы подыграл мне, а не прогнал, если бы обладал достаточной степенью сообразительности. Реннерт был всего лишь хористом, а вовсе не солистом. Ко времени, когда я на одиннадцатом выезде покинул Генри-Хадсон-парквей, то окончательно списал его со счетов.

Ривердейл, улицы которого явно планировались кем-то, кому претила одна лишь мысль о прямой линии, – для приезжего сущие джунгли, но у меня имелась хорошая карта, так что по пути к Хэддон-Плейс, 78, мне пришлось разворачиваться назад лишь дважды. Остановившись на обочине возле дома, я осмотрелся. Там росло слишком много всего – начиная с клумб с тюльпанами и заканчивая большими деревьями, – чтобы для лужаек оставалось достаточно места, однако та трава, что все-таки оставалась, вполне тянула на эталон стрижки. До уровня моего подбородка дом был отстроен из камня, далее же из темно-коричневого дерева, причем доски располагались вертикально, а не горизонтально. Смотрелось очень стильно. Я выбрался из машины и двинулся по дорожке.

Подойдя к крыльцу, я услышал музыку, остановился и наострил уши. Она доносилась не изнутри, а слева. Я ступил на траву, обогнул дом, миновал ряд окон, еще раз свернул и поднялся на выложенную плиткой террасу. Музыка раздавалась из переносного приемника в кресле, аудитория состояла из одного человека: Джейн Огилви. Она растянулась на спине на коврике, практически обнаженная, за исключением двух жизненно важных участков. Глаза у нее были закрыты. Вывод, сделанный мной по фотографиям, на которых она была одета, о наличии у нее изящной фигурки, полностью подтвердился. Даже колени у нее были приятные.

Пока я решал, предпринять ли повторный подход со звуковыми эффектами или же остаться на месте и кашлянуть, Джейн Огилви вдруг открыла глаза, повернула голову и секунд пять смотрела на меня, а потом сказала:

– Я знала, что кто-то пришел. Ощущаемое присутствие, хотя и не воспринимаемое. Вы ведь настоящий, я полагаю?

Мое же ощущение было странным. Не похожим на предчувствие, но, скорее, как если бы я задал вопрос, а она на него ответила бы. Когда Вулф исключил ее из-за показаний на суде и продекламированных трех стихотворений, сам я все же испытывал сомнения, но эти ее несколько слов полностью их разрешили. Если Реннерт теперь оценивался тридцать к одному, то она – тысяча к одному.

– Молчите, – продолжала она, – даже если вы и настоящий. Все равно вы не сможете сказать ничего достойного момента, когда я ощутила ваше присутствие здесь. Вы, конечно, думаете, что я вас услышала, но это не так. Мои уши были заполнены музыкой, я вся была ею заполнена, когда ощутила вас. Будь это канун Дня святой Агнессы...⁵ Но какой же сейчас канун Дня святой Агнессы, к тому же я не голодна и не в постели... А если бы вас звали Порфиरो? А как... Нет, не отвечайте! Вы хотите подойти поближе?

Я был всецело с ней согласен. Я и вправду не смог бы сказать ничего достойного сего события. Кроме того, звали меня вовсе не Порфиро. Но просто развернуться и уйти без всякого ответа мне не хотелось, поэтому я подошел к шпалере, сорвал красную розу, прижал ее к губам и бросил ей. А потом удалился.

В телефонной будке в аптеке в нескольких кварталах от дома Джейн Огилви я набрал номер Элис Портер и снова не получил ответа. Таким образом, ехать мне было некуда и делать нечего. Естественно, идея Вулфа отправить меня знакомиться с четверкой имела целью всего лишь избавиться от моего присутствия, поскольку он прекрасно знал, что если я буду ошиваться поблизости, то непременно примусь изводить его, а если даже и не изводить, то просто смотреть на него. Поэтому я набрал другой номер, дождался ответа, внес предложение о возможных способах времяпрепровождения ближайших восьми-девяти часов и получил одобрение. Затем набрал номер, который знаю лучше всех остальных, и предупредил Фрица, чтобы к обеду меня не ждали. Было уже далеко за полночь, когда я поднялся на крыльцо старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице и воспользовался своим ключом. Записки на моем столе не оказалось. Я оставил таковую Фрицу на кухне, уведомив его, что раньше десяти к завтраку не появлюсь. Восьмичасовой сон мне никогда не повредит, а если вдруг Вулф за ночь выйдет из своего состояния, то будет знать, где меня найти.

---

⁵ По поверью, в канун Дня святой Агнессы (21 января) после совершения определенных предписаний, одно из которых не ужинать, девушка может увидеть во сне будущего жениха. Порфиро, которого упоминает Джейн Огилви, – герой поэмы Джона Китса (1795–1821) «Канун Святой Агнессы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.